
СБОРНИК
РАССКАЗОВ
НЕ ПО ШАБЛОНУ
НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

Сборник рассказов
НЕ ПО ШАБЛОНУ

«Автор»
2026

Светлова Н.

Сборник рассказов НЕ ПО ШАБЛОНУ / Н. Светлова — «Автор», 2026

Что делать, если дети ведут себя «неправильно»? Ответ прост: учиться у них. Сборник рассказов «Не по шаблону» — это личный дневник родителя, который наблюдал за своей дочерью и сыном и обнаружил, что самые важные уроки жизни дети преподают взрослым.Каждая глава — это история одного поступка, который удивил, заставил задуматься и сломал очередной стереотип. О честности, о смелости быть собой, о взгляде на мир без предрассудков. Эта книга согреет и подарит веру в то, что искренность всегда сильнее любых правил.

© Светлова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 7
3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Ника Светлова
Сборник рассказов НЕ ПО ШАБЛОНУ

1

Моя доченька была весёлой девчушкой пяти лет. Большие зелёные глаза, светлые косички и веснушки на носике, которые рассыпались, как мелкое золото, стоило ей хитро улыбнуться.

И вот однажды, размазывая по тарелке манную кашу, которую она «обожает, но не ест», она спросила:

— Мама, а я тебе родная?

Я насторожилась. В голове пронеслись панические мысли: «Почему такой вопрос? Неужели не чувствует моей любви? Неужели не видит, как я горжусь её рисунками, где все люди похожи на осьминогов с пуговицами вместо глаз?»

Но она, не дождавшись ответа, продолжала гнуть своё:

— Ну скажи честно, я тебе родная?

— Доченька, ты самая-самая родная девочка во всём мире и даже в мультиках, — заверила я, пытаясь обнять это вертящееся чудо.

Маленькая непоседа не унималась. Она прищурила хитрые глазки, из которых так и сыпались искорки авантюризма:

— Ну... может, меня родили самые богатые люди в мире? Король с королевой? Или директор цирка? А вы меня просто нашли?

Я посмотрела на неё. В этой маленькой голове уже выстроился трёхэтажный дворец с горкой вместо лестницы, полный слуг. А она, разумеется, принцесса, чья святая обязанность — искать шоколадные яйца с сюрпризом по всему миру. Она уже мысленно командовала: «Эй, вы! Немедленно принесите мне ещё пластилина! И чтобы он сам не засыхал!»

Пора было немного привести мою юную олигархшу в чувство. Я вздохнула с таким видом, будто хранила страшную тайну.

— Нет, доча. На самом деле... я тебе не рассказала твою главную тайну.

Искорки в глазах погасли, сменившись круглыми блюдцами замешательства. Веснушки, мне показалось, даже побледнели от волнения.

— Ка-какую тайну? — прошептала она.

Я наклонилась, понизив голос до конспиративного шёпота:

— Я... тебя купила.

Тишина.

— К-купила? — ахнула она. — Где?!

— В магазине, — невозмутимо ответила я. — В отделе «Юные хулиганки и непоседы». Ты стояла на полке между девочкой, которая вечно теряет носочки, и мальчиком, который коллекционирует жуков в карманах. А на тебе был ценник: «Девочка-фантазёрка. Батарейки в комплект не входят, энергии хватает на восемнадцать часов в сутки. Требует регулярной зарядки в виде печенья и сказок».

Она переваривала информацию. Я видела, как в её голове рушится дворец, а на его месте вырастает обычный магазин с тележками.

— И... и я со скидкой была? — выдавила она, первой осваивая новую, коммерческую реальность.

— О, да! На тебя была огромная распродажа! «Уценённый товар», потому что последняя в партии и немножко с привинченной намертво фантазией. Открутить нельзя.

Она задумалась. Потом лицо озарила догадка.

— Так вот откуда у меня эта штука! — она показала на левую коленку, где красовалась царапинка от вчерашнего падения. — Это же отметка, что меня уже проверили! На складе!

Я расхохоталась, обнимая своё «уценённое сокровище».

— Именно! И гарантия ещё не закончилась. Я имею полное право требовать, чтобы ты меня слушалась, ела кашу и дарила поцелуи. По условиям акции.

Дочка тяжело вздохнула, смирившись с участью аукционного товара.

— Ладно. Но если я покупка, то ты должна со мной играть, раз уж купила! Сейчас мы идём рисовать, а ты будешь подавать фломастеры и хвалить моего розового жирафа. Так положено, да?

— Это пожизненное обслуживание. С правом безлимитного обнимания.

— Ну ладно, — снисходительно разрешила дочка, протягивая мне руку. — Тогда и жирафа хвали особенно громко. Он у меня стеснительный.

2

Моя дочь Марина была музыкальным ребёнком. Не в том смысле, что с пелёнок пела арии или требовала абонемент в филармонию. Просто когда где-то звучала музыка — в машине, в торговом центре, из соседского окна, — она замирала: бровки приподнимались, голова наклонялась, и весь мир вокруг переставал существовать. Мы с мужем переглядывались с немым вопросом: «Ну, когда уже?» И когда Марине исполнилось шесть, на семейном совете было решено: музыкальная школа.

Вступительные тесты она прошла играючи. Пропела ноты, прохлопала ритм, и седая преподавательница сняла очки и посмотрела на Марину поверх них, так смотрят на редкую бабочку, случайно залетевшую в окно.

— Музыкальность абсолютная, — сказала она. — Берём.

Марина улыбнулась, словно это было самым естественным делом. Как будто её всегда ждали именно здесь.

Дома мы пили чай с тортом, муж произнёс тост про «будущую великую пианистку», а Марина сидела, поджав под себя ноги, и задумчиво ковыряла вилкой кремовую розочку.

Наступило время первого концерта в музыкальной школе. Посвящение в первоклассники. Актовый зал с бархатными креслами, пахнущий старой мебелью и канифолью. На сцене чёрный рояль — огромный, блестящий, как спящий зверь.

Мы с мужем сидели во втором ряду. Я нервно теребила программку. Муж поправлял галстук, что хранился для особых случаев. Марина сидела с другими новичками в первых рядах. Маленькая, в нарядном платье с пышной юбкой, которое я всю ночь гладила. Бант в волосах сиял белизной. Она выглядела так, будто всю жизнь ходила на концерты и сейчас, между прочим, скучает.

Концерт шёл своим чередом. Ученики постарше играли этюды, пьесы. Я старательно хлопала юным музыкантам. Муж иногда клевал носом, но спохватывался.

И тут случилась заминка.

Ведущая — молодая преподавательница в строгом костюме — вышла на сцену и смущённо объявила:

— Дорогие гости, у нас небольшая техническая пауза. Следующий номер не совсем готов. Может быть, пока кто-нибудь из новеньких желает подойти к инструменту? Сыграть что-нибудь? Не бойтесь. Просто знакомство.

Зал затих. Новички переглядывались, вжимались в кресла. Родители нервно улыбались, молясь, чтобы их ребёнок не поднял руку.

И тут поднялась Марина.

Она спокойно встала, будто ничего особенного не происходит. Поправила бант и пошла к сцене через весь зал. Под взглядами сотни человек, не ускоряя шаг и не оглядываясь.

Я вцепилась в локоть мужа.

— Она что, умеет играть? — прошептал он, наклоняясь ко мне.

— Нет, — еле выдавила я. — Мы только поступили. У нас даже инструмента дома нет.

— Тогда... что она собралась делать?

Я не ответила, потому что сама не знала. Мне хотелось провалиться сквозь землю, одновременно вскочить и крикнуть: «Марина, вернись!», а ещё почему-то смеяться. Наверное, истерика.

Марина выплыла на сцену. Да, выплыла, другого слова не подобрать. Села за рояль, поправила юбку, положила пальцы на клавиши. Поморщилась и подвинула стул, будто ей мешало что-то серьёзнее, чем стул.

Зал замер. Преподаватели в первом ряду одобрительно закивали, мол, какая смелая. Ведущая сделала шаг назад, на лице ободряющая улыбка.

Марина подняла руки красиво, с замахом, как настоящие пианисты.

И опустила их на клавиши.

Раздался звук. Нет, не музыка. Это был звук, который издаёт рояль, если нажать на все клавиши сразу и без всякого смысла. Хаос. Какофония. Будто кто-то уронил ящик с инструментами, а сверху прокатился грузовик.

Марина нажимала всё подряд — белые, чёрные, крайние, центральные. И делала это с таким выражением лица, будто исполняла Второй концерт Рахманинова. Глаза полузакрыты, голова покачивается, на губах загадочная полуулыбка. То наклонялась к клавишам так низко, что бант касался пюпитра, то откидывалась назад, словно пережидая особенно драматичный аккорд.

Зал обомлел.

В полной тишине раздавался этот невообразимый грохот, и вместе с ним тихое, ритмичное поскрипывание педали, которую Марина нажимала с особым усердием. Казалось, прошла вечность. На самом деле не больше минуты.

Я смотрела на мужа. Он сидел с открытым ртом. Потом закрыл. Потом снова открыл. И вдруг — я это видела чётко — уголки его губ начали подрагивать. Он сдерживал смех изо всех сил, но глаза уже блестели, и плечи тряслись.

— Не смей, — прошипела я. — Не смей, слышишь?

Но он уже не слышал. Он закрыл лицо руками, и его затрясло.

Преподаватели в первом ряду окаменели. Седая женщина из приёмной комиссии снова сняла очки, и на этот раз в её глазах не было умиления. Там было что-то среднее между ужасом и... восторгом? Я не разобрала.

Ведущая стояла, прижав руки к груди, как перед явлением чуда. Кажется, она забыла, что она ведущая.

Марина взяла финальный аккорд, особенно мощный, из десяти клавиш сразу, и замерла.

Пауза.

Она медленно опустила руки на колени. Открыла глаза, будто возвращаясь из другого мира. Встала. Одернула юбку. И поклонилась — изящно, с достоинством.

И в этот момент зал взорвался.

Хлопали все. Хлопали родители, вытирая слёзы от смеха. Хлопали старшие ученики, оценившие перформанс. Громче всех хлопал муж, с каким-то отчаянным восторгом, уже не скрываясь, уже взахлёб. Хлопала даже седая преподавательница — медленно, задумчиво, словно увидела нечто, выходящее за рамки инструкции.

Марина спустилась со сцены и подошла к нам. Щёки слегка порозовели, но в целом невозмутима.

— Ну вот, мама, — сказала она, садясь рядом и вновь поправляя бант, — ничего сложного. Могу научить.

Я посмотрела на мужа. Он всё ещё вытирал глаза.

— Чему научить? — уточнила я осторожно. — Играть или... вот этому вот?

Марина задумалась.

— И тому, и другому. Но сначала, как правильно садиться. Потому что у них тут стул неудобный. А от стула, мама, зависит всё. Даже музыка.

— А как же твой... ну, абсолютный слух? — не сдавалась я.

Марина посмотрела на меня с лёгким сочувствием.

— Мам. Я слышала, что играют другие. Скучно же. Абсолютный слух нужен, чтобы попадать в ноты, когда хочешь попадать. А я не хотела. Я хотела, чтобы всем было весело. Или ты не слышала, как они хлопали?

Я хотела что-то возразить про сольфеджио, про технику, про то, что игра на фортепиано это всё-таки чуть больше, чем нажимать клавиши подряд, но тут к нам подошла та самая седая преподавательница. Марина как раз допивала сок из бумажного стаканчика.

— Техника — ноль, — сказала она, глядя на Марину поверх очков. — Но чувство зала великолепное. Будем работать.

Марина кивнула так серьёзно, будто ей только что вручили диплом.

Вечером дома мы смотрели запись. Кто-то из родителей снял на телефон и скинул в общий чат. Марина сидела на диване, пила какао и комментировала:

— Вот здесь я чуть-чуть недожала левую руку. Слышишь, мам? Звук жидковат. В следующий раз буду смелее.

Я не знала, плакать мне или смеяться, поэтому делала и то, и другое.

— У меня бы так никогда не получилось, — сказал вдруг муж, глядя в экран.

— Потому что играть ноты, — объяснила Марина, — мало. Их надо играть так, чтобы люди обомлели. Музыка — это спектакль.

Она сказала это и поправила бант привычным, отработанным движением, будто уже вышла на сцену.

На семейном совете единогласно было принято решение: срочно покупаем пианино и записываемся в кружок по актёрскому мастерству.

Так у нас в доме появился инструмент. И новый, совершенно неожиданный поворот в музыкальной карьере моей дочери — человека, который родился не просто с абсолютным слухом, а с абсолютным чутьём на зрителя.

3

Мой сын рос очень смышлёным мальчиком. Голубые глаза, очаровательная улыбка, а главное, невероятное желание познать мир. Он был похож на маленького учёного, с рождения заглядывавшего в суть вещей.

Мультики про Фиксиков, раскрывающие, как и из чего состоит мир, были его любимыми. Особенно его заинтересовала кровеносная система. Тема сложная, но этот вундеркинд быстро освоил, что есть разные клетки крови и у каждой своя функция. Он удивлял познаниями взрослых, приходивших в гости, и был гордостью семьи.

Когда сын поступил в первый класс, все ученики должны были пройти психологический тест. Простой, усреднённый, готовиться не нужно. Задание: нарисовать человека. Баллы ставились за детали: реснички, брови, пальчики, ноготки и чем больше деталей, тем лучше. Сын сдал тест и был очень доволен рисунком.

Когда мы получили результат… шок. Ноль баллов.

— Может, ошибка? — спросила я у классной руководительницы, стараясь говорить спокойно.

— Нет, Анна Сергеевна, здесь нет ошибки. Посмотрите на рисунок.

Она протянула лист, и я сразу всё поняла. На бумаге был изображён человек, но не привычный «колобок» с ручками-палочками. Мой сын нарисовал человека изнутри. Сложная схематичная фигура, напоминавшая анатомический атлас. Внутри контура большое сердце, от которого расходились красные и синие линии сосудов. В грудной клетке были лёгкие, похожие на два дерева. На месте живота нечто, отдалённо напоминавшее желудок и кишечник.

— Видите, — тихо сказала учительница, — методика оценивает внешние признаки: брови, ресницы, одежду. Здесь же внутренние органы. Это выходит за рамки критериев.

Я уже собиралась что-то сказать, как взгляд упал на деталь, которую я не сразу заметила.На лбу у нарисованного человека, над двумя обычными глазами без ресниц, был аккуратно выведен третий глаз.

— А это что? — не удержалась я.

Учительница развела руками:

— Это не по заданию. Возможно, фантазия. Но по методике тоже не считается.

Мне стало смешно и горько одновременно.

— Он просто не понял задание, — мягко заключила педагог.

— Он понял его глубже, — поправила я, глядя на рисунок.

Вечером я показала рисунок сыну.

— Ник, а почему ты нарисовал человека так?

Он посмотрел на меня ясными глазами и серьёзно ответил:

— Потому что человек — самое интересное, что есть в мире. И самое интересное в нём — это как он устроен. Я хотел нарисовать главное. Разве не за это ставят баллы?

Я обняла своего первооткрывателя, который видел мир без обложек.

— За это и ставят самые главные баллы. А тесты... они до такого просто не додумываются.

Я указала пальцем на третий глаз.

— А это что?

Малыш посмотрел на меня строгим, почти возмущённым взглядом, полным недоумения, дескать, как можно не понимать таких простых вещей.

— Ты что, не видишь? Это же фагоцит.

В комнате повисла тишина. Я вспомнила: фагоциты — клетки-защитники, поглощающие бактерии. Они «смотрят» за порядком в организме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.